

ПРОЩАЙ, МОЛДАВИЯ

СТИХИ 12 ПОЗТОВ

Сборник стихов
Виктор Игоревич Голков
Эвелина Ракитская
Прощай, Молдавия.
Стихи двенадцати поэтов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36084835

Прощай, Молдавия. Стихи двенадцати поэтов. / Составители Виктор Голков и Э. Ракитская: Летний сад; Москва; ISBN 978-5-98575-489-6

Аннотация

Сборник «Прощай, Молдавия» выстроен на основе стихов двенадцати поэтов, опубликованных в разное время в бывшем СССР и за его пределами. Некоторых из авторов уже нет, другие живут в разных странах – в частности, в Израиле, России и США. В Молдавии (Кишиневе) из всех двенадцати осталась только Александра Юнко, стихами которой начинается сборник. Но имена подобраны не случайно – несмотря на несходство тематики, есть нечто, что объединяет, и это не только общность обложки и географии на тот уже достаточно отдаленный от нас исторический момент. Имеется в виду принадлежность к одному поколению, определенная общность судьбы, трагическую черту под которой провела катастрофа, широко известная сегодня под названием «перестройка». По этой причине так плотно

представлены в сборнике стихи о молдавской войне, духовной опустошенности и эмиграции. Это попытка создать своего рода исторический срез, поэтически осмыслить себя, но помимо прочего – это просто стихи хороших поэтов, доказывающие, что Молдавия 60-х – 80-х в литературном отношении вовсе не была безнадежно отсталой провинцией.

Содержание

Предисловие 2010 года	6
Александра Юнко	11
«Дом долговечней, чем жилец...»	11
«Уже хлебнули горькое питье...»	13
«Там, где город К. на речушке Б. ...»	15
Сны о Кишиневе	16
«Не сбежать от планиды своей!...»	18
«У природы особые сроки...»	19
«Ради чего мне безумье отважное...»	20
«Дух неоседлый, кочевой...»	22
«Перекресток бессарабский...»	23
Чистое поле	25
Айва и виноград	27
Мама рубит дрова	28
«Ирэн»	30
Женщина по имени Любовь	32
Земфира	34
Николай Сундеев	35
Воспоминание о землетрясении	35
Нет света в доме	36
«От новостей не взвидев света...»	37
«Это время распада семей...»	38
«Пятый месяц под огнем...»	39

Прощай, Молдавия.

Стихи двенадцати поэтов

Составители Виктор Голков и Э. Ракитская

Предисловие 2010 года

Сборник «Прощай, Молдавия» выстроен на основе стихов двенадцати поэтов, опубликованных в разное время в бывшем СССР и за его пределами. Некоторых из авторов уже нет, другие живут в разных странах – в частности, в Израиле, России и США. В Молдавии (Кишиневе) из всех двенадцати осталась только Александра Юнко, стихами которой начинается сборник. Но имена подобраны не случайно – несмотря на не сходство тематики, есть нечто, что объединяет, и это не только общность обложки и географии на тот уже достаточно отдаленный от нас исторический момент. Имеется в виду принадлежность к одному поколению, определенная общность судьбы, трагическую черту под которой провела катастрофа, широко известная сегодня под названием «перестройка». По этой причине так плотно представлены в сборнике стихи о молдавской войне, духовной опустошен-

ности и эмиграции. Это попытка создать своего рода исторический срез, поэтически осмыслить себя, но помимо прочего – это просто стихи хороших поэтов, доказывающие, что Молдавия 60-х – 80-х в литературном отношении вовсе не была безнадежно отсталой провинцией.

Виктор Голков

Эти несколько строк посвящаются поэту Александре Юнко, умершей через месяц после своего 65-летия. По-настоящему творческая, многообразно одарённая натура, сильная и глубокая личность, оказавшая влияние на всех, кто её хоть немного знал, она была, по сути, одним из организаторов, помимо многих других, в том числе и той книги, какая сейчас будет представлена читательскому вниманию. Сборник начинается её стихами и предоставляет возможность познакомиться с творчеством этого яркого и самобытного поэта и человека.

Виктор Голков, июль 2018

Александра Юнко

«Дом долговечней, чем жилец...»

Дом долговечней, чем жилец.
Но виноград, увивший стены,
Мы станем жать, а не жалеть,
И опьянеем постепенно.

В душистом облаке пыльцы
Неумолкающие пчелы,
Как золотые бубенцы,
Над соком кружатся веселым.

Не плачь, не жалуйся, пчела,
Что вечер близок, век недолог
И на редуты книжных полок
Пыльца сиротская легла.

Недвижен виноград лежит,
Впадая в смертную истому.
Мы станем не жалеть, а жить,
И рухнуть не позволим дому.

Мы будем не жалеть, а пить.

Гроздь умерла, вино воскресло.
Стакан нетронутый стоит
У твоего пустого кресла.

«Уже хлебнули горькое питье...»

Уже хлебнули горькое питье
Навеки пересекавшие границу,
Отбросив все ненужное тряпье...
А я не улетающая птица.

При мне мое гнездо и мой птенец,
К моей щеке своей щекой прильнувший.
Я знаю, что придет мне здесь конец,
И задыхаюсь, потому что душно.

Нет, не сужу – и помашу крылом,
Слезу роняя от избытка чувства.
Но, воздух разрывая напролом,
Ты задохнешься – оттого, что пусто.

И в этом мы равны, но я равней –
Младенческим оставленная страхом,
Я стала не свободней, но вольней,
А завтра лягу вровень с этим прахом

Уж лучше о столицах мировых
Я стану тосковать до самой смерти
В провинции, где слышат каждый чих
И каждый вздох твой обсуждают, черти, –

Чем вечно озираться на следы
Свои, и отрезать себя вживую,
И ностальгировать на все лады,
Лелея боль, как рану ножевую.

Не улетаю. Стало быть, без крыл.
Не по размеру мне твой плащ скитальца.
И, слава Богу, пять родных могил
Еще могу пересчитать по пальцам.

«Там, где город К. на речушке Б. ...»

Виктору Голкову

Там, где город К. на речушке Б.
Остановку сделал для водопоя,
Не успела я рассказать тебе,
Каково мне без, каково с тобою.

По асфальту взломанному иду,
Озираюсь рассеянно, точно приезжий,
На веселые вишни в чужом саду,
Приоткрывшие занавес зелени свежей.

Ты как будто только что взял билет,
Сел на поезд – и поминай как звали.
И никто не выдаст: тебя здесь нет –
Ни в толпе прохожих, ни на вокзале.

Остается похмелье в чужом пиру
И оскомина от незрелых ягод.
Час пробьет – я уеду или умру,
И следы мои рядом с твоими лягут.

Сны о Кишиневе

*«Доктор Ванинов, дайте лекарство...»
Рудольф Ольшевский*

Иерусалим иль Петербург.
Мясник тоскует иль хирург,
Не спит и воду пьет из крана,
Душевные врачуют раны.

В Аделаиде и Айове
Нам снятся сны о Кишиневе.
Летят они, воспалены,
И в местные влезают сны.

Однажды видела воочью —
Иль это только снилось мне? —
Скакал Котовский темной ночью
На страшно вздыбленном коне.

То, огрызаясь на собак,
Капитолийская волчица
На красный свет бежит впотьмах,
И красным светом глаз лучится.

То Пушкин мчится на свиданье,
То бродит хмуро Довид Кнут,

То Боря Викторов с Капланом
На преферанс вдвоем идут.

То Ленин без креста, то Штефан
С крестом глядят сквозь даль веков,
Сквозь листья горькие орехов
На Кишинэу и Кишинев.

Не подымая головы,
На нас поглядывают странно
И снова засыпают львы
У неизбежного фонтана.

Сюжеты тают кочевые,
Пока рассвет ползет в окно.
Мы забываем сны ночные,
Мы пьем веселое вино,

Не замечая – старый город
Безвестно канул в бездну лет,
И темный нас дурачит морок
В местах, где Кишинева нет

«Не сбежать от планиды своей!..»

Не сбежать от планиды своей!
Среди мрака ночного и гари
Одинокий поет соловей
Для меня свою лучшую арию.

Без тебя не расслышу его
И пройду мимохожей дорогой —
Лгут предчувствия все! Но легко
Циферблат на запястье потрогаю.

Ты услышишь ли песню мою?
Для тебя я пою и усердствую.
О судьба, я тебя узнаю! —
Это тяжесть любви под сердцем.

«У природы особые сроки...»

У природы особые сроки.
Ветка знает, когда тяжелеть.
Сможешь ли ты меня пожалеть,
Как приду к тебе с брюхом высоким?

Говорят – до венца заживет!
И – стара – говорят акушеры.
Принимаю ответные меры,
Чтоб живым был наполнен живот.

Чрево выше премудрой науки.
Чую плотью, как стану потом
Ближе к дереву с тяжким плодом
И нежней к обессиленной суке.

Вот беременная плывет —
И в зеленую скрылась аллею.
Тяжелею во сне, тяжелею...
Тихо руку кладу на живот.

«Ради чего мне безумье отважное...»

Г. Острову

Ради чего мне безумье отважное
Дали, и в раны насыпали соль?
Дело пустяшное, слово бумажное,
Передохнуть хоть однажды позволъ.

Ночью на кухне греметь бы тарелками,
А не прислушиваться к тишине.
Утром, при свете, какими же мелкими
Звуки ночные покажутся мне!

Хватит у неба ответы выпытывать,
Биться о стенку мучительным лбом.
Полно же душу терзать да испытывать
На растяжение, на сдвиг и на слом.

Время очнуться от грез занимательных,
В бедную жизнь окунуться пора...
Деда сосед посылает по матери,
Лужа смердит посредине двора.

Это нормально. А я, словно чучело,
Все бубенцами своими бренчу.
Руку трудила и сердце измучила —

Ради чего? Но строчу и строчу.

Видно, планида такая юродская—
Посвист с приплясом, когда припечет.
Видно, уж доля такая сиротская —
Командировочный Богу отчет.

«Дух неоседлый, кочевой...»

Дух неоседлый, кочевой
Живет в моей случайной кухне.
Но снова разжигаю угли,
Чтоб вырастить огонь живой.

И залетит на мой огонь
То мотылек, то злая птица,
Или обуглится страница,
Что не прочитана тобой.

И громоздятся по углам
Враждебные свободе вещи —
Реальной жизни знак зловещий,
Кастрюль гремящий балаган.

«Перекресток бессарабский...»

Перекресток бессарабский,
Переулок тарабарский,
Где звучит, куда ни выйдешь,
Русский, что ли, чи молдавский,
Украинский, то ль болгарский
С переходами на идиш.

С детства этот сочный суржик
Я жевала, точно коржик,
Разноречьем упиваясь.
До сих пор в стихотвореньях
Расставляю ударенья
По наитию, покаюсь!

То-то бы Мадам Петрова
Не узнала б Кишинева.
Дело не в названьях улиц.
Здесь по прежнему вишнево,
Но под вишнями паршиво —
Всё вокруг перевернулось.

Кто уехал, или помер,
Кто счастливый вынул номер...
Ну, а мне что остается?
В этом городе Содоме

Снятся сны о старом доме
И на щеки что-то льется.

Где же ты, мой бессарабский,
Горький, нищий, но не рабский,
В Бога, душу и царя,
Магальской, блатной, армянский,
Гагаузский да цыганский?..
Нет такого словаря.

Чистое поле

Выйду ли в чистое поле,
Грудь запахнувши платком, —
Сердце займется от воли
С острым ее холодком.

Пригород, плачь надо мною!
Теплый развеялся дым.
Смалу мне поле ночное
Небом казалось ночным.

Черная полночь, пьянея,
Звездное сыплет пшено.
Что между мною и ею? —
Только дыханье одно.

Доля отмерила соли.
Не зачеркнуть черновик!
Лучше младенец в подоле,
Чем одиночества крик.

Черная пашня нежнее
Греет в горсти семена.
Что между мною и ею? —
Тонкая кожа одна.

В горе, в разлуке, в расколе
Светит мне ярче холста
Малое белое поле,
Чистое поле листа.

Небом и почвой повеет
Лишь на странице одной.
Что между мною и ею?
Что между нею и мной?..

Айва и виноград

Светлане Мосовой

У вас – бабульки в беленьких панамах,
У нас поэты в кушмах. Боже мой,
Оставив тень свою в холодных рамах,
Во сне ты возвращаешься домой.

Здесь луч весенний согревает веко
И вдохновляет голубцов казан.
По языку текут вино и млеко
От мягких песен томных молдаван.

И, доверяя звуку, но не слову,
Как неприкаянная лимита,
Ты ходишь, словно тень, по Кишиневу,
Не узнавая прежние места.

Душа, дитя айвы и винограда,
Затеряна в туманах Ленинграда,
И флуера затейливый мотив
Не достигает ваших перспектив.

Мама рубит дрова

Мама рубит дрова, в пиджаке и резиновых ботах.
Тяжек вдовый неострый топор.
День деньской моя мама в заботах.
Пригорюнясь,
соседка глядит на нее сквозь забор.

Снег на крышах лежит,
на заборах дырявых, на липах,
В ледяную дорожку холодные вмерзли следы.
Мама рубит дрова,
разгибаясь со стоном и хрипом,
И по ветру летят ее волосы, вечно седы.

Сполз платок с головы.
Мама рубит, и рубит, и рубит.
Ох, колотит дрова, бьет дрова!
Ненавидит и любит,
Ласкает— и лупит, и губит...
Мама рубит дрова – И седеет ее голова.

Разгибается мама и смотрит на белое небо.
Как хватило на жизнь ей таких
сокрушительных сил? —
Подымать, подыхать,
подыматься без мужа, без хлеба,

Три войны пережить, жить – из скрученных жил!

Разлетаются щепки, звенят на морозе удары,
И со стуком поленья отскакивают от земли.
Мама, мама моя, стала ты беззащитной и старой,
Треплет ветер безжалостный белые пряди твои.

Стает снег на заборе, на липе, на крыше.
Страшно – мама растает...
И новая вспыхнет трава!
Закрываю глаза и до рези отчетливо вижу:
Мама рубит дрова...

«Ирэн»

Он сыпал и сыпал
Московским своим говорком.
Потом говорил:
– Ты – Ирэн! —
И стучал кулаком.
Ну что мне ответить тебе?
Ты все таки гость...
А я не Ирэн.
Я такая же черная кость.
Я помню:
Молчала
Седая угрюмая мать.
Вся улица вышла
Над гробом отца отрыдать.
На бедной, крикливой,
На доброй моей магале
Дрались и братались,
Плескалось вино на столе.
Там песни веселые,
А спесь – это нам не с руки.
Там руки тяжелые,
Да только сердца там легки.
И чем ты кичишься?
Равны мы на этой земле —
На бедной, крикливой,

На доброй моей магале.

Вон там меня знают.

Иду в мальчишковом пальто.

И словом и взглядом

Меня не обидит никто.

Женщина по имени Любовь

Промозглое ненастье декабря —
Бесснежного, бессолнечного, злого...
С тобой случайно встретимся мы снова
И совершим общение добра,
Из уст в уста передавая слово.

Мы неприютны обе, и близки,
И нас гнетут похожие заботы.
Сегодня вдруг увиделись мы – вот и
Друг друга избавляем от тоски.
А волосы влажны над отворотом.

А женщина по имени Любовь,
Легко зажав губами сигарету,
Мне поверяет малые секреты...
И это имя не с чем рифмовать —
Ему созвучных слов на свете нету.

Ах, эти будни!.. Некогда взгрустнуть.
Но, словно б умоляя о подмоге,
Сырые листья облепляют ноги,
И дождь в слезах кидается на грудь.
Как будто знает – что там в эпилоге.

А женщина по имени Любовь

Идет с лицом, горящим как фонарик,
Сквозь переплет ветвей, изгибы арок
И дышит изумленно на любовь
В горсти, как на негаданный подарок...
О женщина по имени Любовь!..

Земфира

Остра, как нож, цыганская тоска,
Но спрятана под сумрачное веко.
Лепешку рвешь на равных два куска:
Придет иль не придет она, Алеко?

Цыганское колышется тряпье,
Кибитки уплывают из долины,
Косится и ушами конь прядет,
Мотая челкой спутанной и длинной.

Ты пьешь вино, но зелен виноград,
И терпкий привкус небо с нёбом сводит.
Она уходит – не глядит назад,
Плывут кибитки – и она уходит.

Не крикнуть! Жуи лепёшку, коль не люб!..
За ней – цыган потряхивает чубом.
В последний раз блеснут на солнце зубы —
Она монету пробует на зуб.

Николай Сундеев

Воспоминание о землетрясении

Я помню: потрянуло —
и резко в сознание вошли
утробные гулы
забившейся в муках земли.

Вспухала от гнева
она, недвижима дотоль,
пыталась из чрева
жестокою вытолкнуть боль.

Шли по небу тучи,
качались дома в темноте,
толкался растущий
ребенок в твоём животе,

И почва упруго
ходила вблизи и вдали,
но ты без испуга
смотрела на схватки земли.

Нет света в доме

Нам хорошо вдвоем,
и мы с судьбой не спорим,
хоть чай, что молча пьем,
при свете свечки черен.

Но длится темный час,
и мнится отчего то,
что этот мрак у нас
задержится на годы.

Останется в судьбе,
как тягостный осадок,
чтобы во мне, в тебе
оставить отпечаток.

Скорей бы вспыхнул свет,
неся конец печалям...
Да только —света нет.
Сидим за черным чаем.

«От новостей не взвидев света...»

От новостей не взвидев света,
ты вся, как нерв, напряжена,
и повторяешь только это:
«Какая страшная страна...»

Все обострилось до предела,
до помрачения ума.
От толп, ревущих оголтело,
дрожит земная твердь сама.

И яростным началом года
подавлен дух и разум твой,
и кажется, что нет исхода
из этой смуты роковой.

«Это время распада семей...»

Это время распада семей.
Это семьи одна за одну
распадаются вслед за страной,
и собрать их попробуй сумеи...

И не тем эта жизнь тяжела,
что скудна (в нищете – не впервые) —
тем, что ориентиры снесла,
повалила опоры былые.

И привычные связи круша,
разрушенью не видя границы,
человечья плутает душа
и не знает, за что зацепиться.

«Пятый месяц под огнем...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.